

Й. В. Вегнер

**Эллада. Картины Древней
Греции, её религия,
могущество и просвещение**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3

Й. В. Вегнер

Эллада. Картины Древней Греции, её религия, могущество и просвещение:
Том 2 / Й. В. Вегнер – М.: Книга по Требованию, 2021. – 328 с.

ISBN 978-5-458-52290-8

Популярное изложение греческой истории V-IV веков до н.э.

ISBN 978-5-458-52290-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЭЛЛАДА.

КАРТИНЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ,

ЕЯ РЕЛИГИЯ, МОГУЩЕСТВО И ПРОСВѢЩЕНІЕ.

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ И ПРОСВѢЩЕНІЯ ЮНОШЕСТВА.

СОЧИНЕНІЕ

Д-РА ВИЛЬГЕЛЬМА ВЕГНЕРА.

ПЕРЕВЕДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО П. ЕВСТАФЬЕВЪ.

ТОМЪ II.

Изданіе второе.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

№№ 18, 19 и 20.

МОСКВА,

Кузнецкій мостъ, д. Руданова.

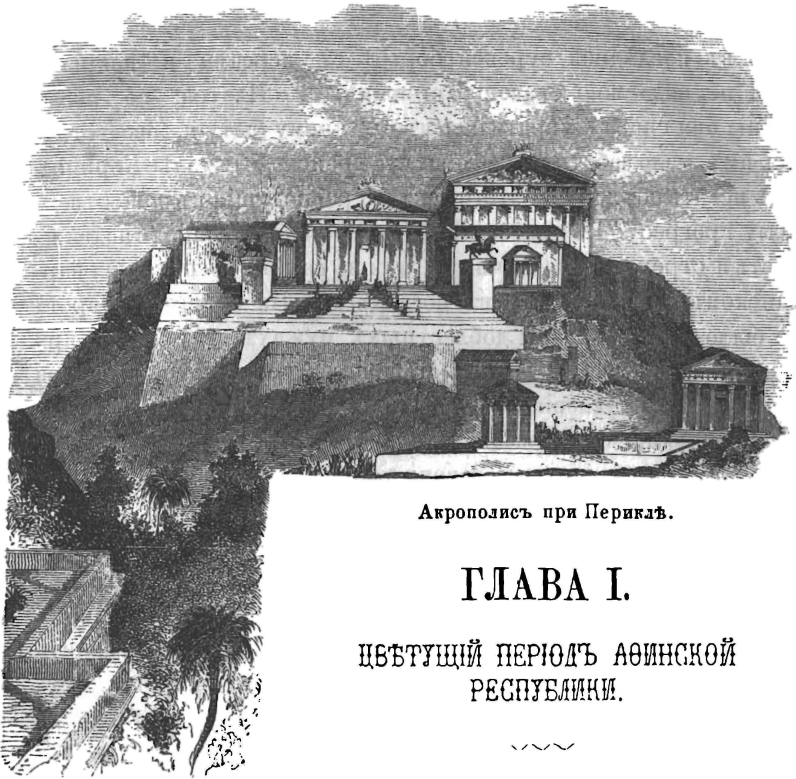
1868.

Дозволено ценсурою. С.-Петербургъ, 13-го марта 1867 г.

ВЪ ТИПОГРАФИИ М. О. ВОЛЬФА (СПБ., КАРАВАННАЯ, № 21).

ЭЛЛАДА.

Акрополясь при Периклѣ.

ГЛАВА I.

ЦВѢТУЩІЙ ПЕРІОДЪ АѢИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

I. Окончательное развитіе могущества АѢинъ.

Если нельзя не чувствовать уваженія къ дѣятельности отдѣльнаго члена общества, когда онъ, избравши себѣ опредѣленную благородную цѣль, всю жизнь стремится къ ней, то понятно благоговѣніе, съ которымъ читается исторія народа, когда послѣдній, выйдя побѣдоносно изъ борьбы съ варварами за свое святѣйшее право, не останавливается на полупути, а продолжаетъ блистательно шествовать къ совершенствованію — послѣдней цѣли и отдѣльнаго человѣка, и цѣлыхъ государствъ! Таковъ народъ эллинскій, и въ средѣ его преимущественно — аѢиняне. Правда, и спартанцы отлича-

лись въ послѣдней суровой борьбѣ съ персами и покрыли себя неувядаемою славою Термопиль и Платей; но послѣ войны они снова возвратились къ прежнему быту и, довольствуясь имъ, мало заботились о томъ, что происходитъ далѣе Коринѣа. Гдѣ искать объясненія этого какъ бы равнодушія къ общественному прогрессу? Въ привычкѣ ли, ослабившей въ народѣ подвижность и стремленіе къ лучшему, или въ самомъ воспитаніи спартанскомъ? Вѣроятно — въ послѣднемъ. На берегахъ Эвроты не было недостатка въ доблестныхъ мужахъ, готовыхъ, при первой опасности, сложить голову за отечество, но, при спартанскихъ условіяхъ воспитанія и общественнаго быта, едва ли удобно было развиться и созрѣть великому политику или администратору, не говоря уже объ ученомъ или художникѣ.

Если Спарту можно уподобить обширному озеру, на которомъ, правда, по временамъ высоко вздымаются суровыя волны, но эти волны скоро снова приходятъ въ равновѣсіи въ полномъ сознаніи своей силы, то Аѣины, конечно, вѣрнѣе всего сравнить съ вѣчно-волнующимся моремъ, по которому широкой путь повсюду, куда только предпримчивый духъ челоуѣка направитъ бѣгъ корабля. Какъ послѣ свирѣпой бури, которая взбуровила морскую поверхность, особенно сладостна тишь, особенно ярко, кажется, сіяетъ дневное свѣтило въ зеркальной пучинѣ, тысячи видовъ, одинъ другаго прекраснѣе, одинъ другаго фантастичнѣе, смѣняются на безпредѣльной водной равнинѣ, и глазъ оторваться не можетъ отъ чудной картины, — такъ, послѣ бури персидской, просіяла аѣинская жизнь и закипѣла такою чудною дѣятельностью, заблестала такимъ небывалымъ невиданнымъ блескомъ славы и величія въ политикѣ, наукахъ и художествахъ, предъ которыми блѣднѣетъ побѣдная слава суровыхъ сыновъ Лакедемона, и единодушное признаніе надъ собою гегемоніи аѣинской сосѣдними и отдаленными областями Эллады и островами Архипелага, Эгейскаго и Іонійскаго морей становится понятною данью величію Аѣинъ.

Въ главѣ республики аѣинской въ этомъ періодѣ видимъ

трехъ знаменитыхъ мужей: Эфиалта, Перикла и Кимона. Первый, представитель демократической партіи, такъ же, какъ и Перикль, былъ чело­вѣкъ невысокаго рожденія; но огромное вліяніе твое на общество умѣлъ обезпечить за собою неутомимою дѣятельностью на пользу народа и силою краснорѣчія. Другой, Перикль, съ именемъ котораго соединится воспоминаніе о самомъ цвѣтущемъ періодѣ греческаго могущества, науки и искусства, происходилъ отъ Алкмеонида Квантиппа, побѣдителя Микальскаго, и благородной Агаристы, племянницы знаменитаго Клисеена. Говорятъ, еще до рожденія Перикла, матери его снилось, что она родила льва. Разумѣется, толкованія этого сна были какъ нельзя болѣе благопріятны для новорожденнаго. Воспитаніемъ Перикла занимались со всевозможною заботливостью: къ нему приглашены были лучшіе въ то время наставники въ Аѣинахъ, между которыми былъ и знаменитый Пиеоклидъ.

Перикль.

И много обѣщавшій юноша, благодаря необыкновеннымъ своимъ способностямъ и счастливому положенію, рано созрѣлъ и сталъ доблестнымъ мужемъ, исполненнымъ прекрасныхъ качествъ. Одаренный быстрымъ взглядомъ и просвѣщеннымъ умомъ, онъ скоро постигъ тайны той науки, которая нужна чело­вѣку, чувствующему въ себѣ призваніе возвеличить

и прославить народъ сной. Онъ рано научился внимательно изучать событія и обстоятельства, пользоваться ими для своихъ великихъ замысловъ, управлять случайностями, а въ случаѣ неожиданнаго, неблагоприятнаго оборота въ нихъ — не теряться, а имѣть въ запасѣ иной исходъ для достиженія предположенной цѣли. Перикль упрочилъ за собою народное уваженіе, не прибѣгая ни къ публичному разглагольствованію или лести народу, ни къ заискивающему сближенію съ нимъ, а тѣмъ менѣе къ какимъ-либо еще болѣе предосудительнымъ средствамъ. Ласковый и пріятный въ обращеніи со всѣми, Перикль удостоивалъ своей дружбы только людей высокаго образованія или съ отличными талантами. Досугъ отъ государственныхъ дѣлъ онъ дѣлилъ между такими близкими, каковы были: Фидій, философъ Анаксагоръ и равно прекрасная тѣломъ и душою, очаровательная іонянка, Аспазія. Праздничныхъ собраній и пировъ Перикль не любилъ: его встрѣчали на улицѣ лишь тогда, когда онъ отправлялся въ агору или въ совѣтъ. Безграничное уваженіе общества и безмѣрное вліяніе Перикла на это общество объясняются единственно неизмѣнной искренностью его намѣреній, твердостью правилъ, величіемъ цѣли, постоянствомъ стремленія къ ней и сверхъ всего этого неотразимой увлекательностью его краснорѣчія. Когда онъ говорилъ, — казалось, что громаы Зевса Олимпійскаго раскатываются надъ головами слушателей, и молніи его пронизываютъ сердца ихъ. Зато Перикла и звали Олимпійцемъ. Его осмотрительность и осторожность, при исполненіи какого-нибудь предиріятія, въ слѣдствіе чего онъ впередъ готовилъ средства на всѣ возможные случаи, дѣлали Перикла надежнѣйшимъ политикомъ и государственнымъ человѣкомъ хотя при этихъ качествахъ онъ, конечно, не всегда могъ бы съ одинаковымъ успѣхомъ дѣйствовать на полѣ сраженія, гдѣ часто надо пользоваться минутой, чтобы взвѣсить всѣ обстоятельства и обезпечить вѣрный успѣхъ дѣлу.

Что Перикль не отвратилъ обстоятельству, приготовившихъ роковую для Греціи войну пелопоннесскую, это, какъ нельзя

болѣе, убѣждаетъ насъ въ томъ, что и самые прозорливые политики и самые опытные государственные люди могутъ по временамъ впасть въ заблужденія, — слабость, общая всему человѣчеству. Можетъ статься, Перикль сознавалъ необходимость прибѣгнуть къ войнѣ, какъ къ крайнему средству, которымъ онъ надѣялся поддержать положеніе, присвоенное его отечествомъ.

Что касается наружности этого государственнаго мужа, то она вполне соответствовала прекраснымъ нравственнымъ побужденіямъ, подъ вліяніемъ которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Перикль. Если строгій взглядъ искусства и могъ бы найти въ фигурѣ Перикла какой-либо недостатокъ, то это развѣ только нѣкоторое удлиненіе головы, — обстоятельство, подавшее поводъ художникамъ его времени говорить о Периклѣ: „у него на головѣ Партенонъ.“

Таковъ былъ человѣкъ, который въ это время такъ осмотрительно дѣйствовалъ на гражданскомъ поприщѣ, съ цѣлью достигнуть равноправія народа относительно участія въ государственномъ управленіи и согласить общую волю на предоставленіе ему верховныхъ распоряженій.

Во главѣ аристократической партіи стоялъ въ это время достойный противникъ Перикла — уже извѣстный намъ Кимонъ. Стремленіемъ его было — сохранить прежнія формы государственнаго быта и направить силы отечества на пораженіе варваровъ. Личность Кимона во многихъ отношеніяхъ противоположна личности Перикловой. Глубокія свѣдѣнія въ наукахъ, основательное образованіе и ему были не чужды, но въ особенности практическая сторона жизни, повидимому, благоприятствовала ему для проявленія способностей и знаній для служенія отечеству. Не вдаваясь въ глубокія и тонкія изслѣдованія предстоявшихъ политическихъ обстоятельствъ, не теряя времени на продолжительныя и сложныя соображенія, онъ предпочиталъ дѣйствовать, немедленно извлекать для государства пользу изъ того, что представляло настоящее. Не смотря на то, что онъ былъ представителемъ

аристократіи, онъ любилъ повсюду сближаться съ гражданами, узнавать ихъ нужды, принимать участіе въ ихъ пирахъ. За нимъ всегда слѣдовала толпа рабовъ съ полными корзинами и, не обращая вниманія на различіе истинныхъ бѣдняковъ отъ лѣнивыхъ тунеядцевъ, всѣмъ раздавала щедрой, рукою подаваніе; нерѣдко также, возвращаясь домой, Кимонъ вводилъ за собою, къ столу своему, цѣлую толпу голодныхъ бѣдняковъ. Прекрасные сады у дачи его были открыты для всѣхъ и каждаго. Этого мало: часто помогаль онъ и деньгами, а если кому не было счастья на родинѣ, даваль ему средства въ другомъ мѣстѣ поправить свое состояніе,—отсылая такого горемыку въ основанныя имъ колоніи. Такое прекрасное употребленіе богатствъ приобрѣло Кимону всеобщую любовь народа. Эта любовь, и притомъ благородный образъ мыслей Кимона и привязанность его отечеству помогли ему, при содѣйствіи Ареопага и другихъ древнихъ аристократическихъ учрежденій, воспрепятствовать Эфіальту и Периклу въ рѣшительномъ достиженіи предположенныхъ ими цѣлей. Но когда въ послѣдствіи нарушились добрыя отношенія АѢинъ къ Спартѣ, то и Кимонъ, благопріятствовавшій Спартѣ, подвергся изгнанію. Демократическая партія тогда получила полную свободу дѣйствій. Постепенно, послѣдовательно, Периклъ отнялъ все значеніе у противной партіи, а установленіемъ новыхъ учрежденій, болѣе сообразныхъ съ потребностями времени, подорвалъ въ самомъ основаніи значеніе ареопага, уже отжившаго свое время. Нелегко было разстаться ареопагу съ безграничною судебною, законодательною, административною и даже ценсорскою властью надъ частной жизнью гражданъ; но онъ ничего не могъ противопоставить тѣмъ учрежденіямъ, которыя создалъ Периклъ. Эти учрежденія были слѣдующія три: 1) установленіе семи законодательныхъ ценсоровъ, которымъ вмѣнено въ обязанность—наблюдать за точнымъ исполненіемъ смысла законовъ служебными лицами; 2) учрежденіе такъ называемаго Собранія номотетовъ (хранителей законовъ), обязанностью котораго было—просматривать законы прежнихъ